

«Не верь глазам своим»

Александр Кивовский

Из моих статей может сложиться впечатление, что стоит только найти имя персонажа портreta, как сразу же он обретает новую подпись в экспозиции, в каталогах, на выставках. Увы, это далеко не всегда так. Порой даже через десятилетия картина продолжает жить с неверным названием, а сменяющиеся поколения специалистов ничего не знают о давних находках, если они не были сразу опубликованы.

▲ Генерал-майор Семён Юрьевич.
Литография Петра Смирнова по рисунку
Франца Крюгера, 1844–1845 годы
Государственный музей-заповедник «Павловск»

Для того чтобы атрибуция получила официальное признание, мало её просто опубликовать. Тем более сегодня и в печати, и в интернете это может сделать кто угодно, даже анонимно, с самыми фантастическими выводами. На страницах «Дилетанта» мы уже говорили о мистификаторах Александре Горшмане и Евгении Перкине. С их руки десятки неверных, а то и нелепых атрибуций проникли в иконографию. Поэтому в каждом музее существует процедура проверки и научной верификации новых определений через обсуждение на Экспертной фондо-закупочной комиссии. Лишь в случае её положительного решения в книге учёта музея вносятся изменения. Только тогда правильное название становится официальным и начинает применяться повсеместно.

Однако у этой вполне понятной процедуры есть своя обратная сторона. Всё полностью зависит от музейных хранителей живописи и графики, от их активности, добровольности, профессионализма,

да и просто наличия. При нищенских зарплатах в тяжёлые 1990-е годы музеи захлестнули кадровый дефицит. Старые хранители уходили, а их фонды повисали на совместителях. В результате многие наработки и заделы оказались утрачены, а занявшие со временем вакансии новые специалисты уже не имели прежней информации. Между тем по правилам именно хранители должны следить за изучением введенных им произведений и при появлении актуальных данных выносить их на рассмотрение ЭФЗК. Где-то это происходит быстро, а где-то по самым разным причинам дело может затянуться на десятилетия.

Отсюда многие недоразумения в Государственном каталоге Музейного фонда РФ, которые часто обсуждают и критикуют в сети. Иногда при взгляде на его страницы вспоминается афоризм Козьмы Пруткова: «Если на клетке слона прочтёшь надпись: буйвол, — не верь глазам своим». Но дело в том, что в ведомственную электронную базу сведения о предметах заносятся в точном соответствии с данными учётных

▲ Генерал-адъютант Карл Шильдер.
Литография выполнена после смерти Шильдера
от раны, полученной при осаде турецкой
крепости Силистрия 1 июня 1854 года

▲ Декабрист Александр Николаевич Муравьёв.
Сергей Зарянко, 1845 год
Музей В. А. Тропинина и московских
художников его времени
Ранее: генерал-адъютант Карл Шильдер

определил выдающийся учёный Владислав Михайлович Глинка. Но хотя его статья была напечатана в солидных «Трудах Государственного Эрмитажа», картина более сорока лет продолжала висеть в музее под именем моряка Николая Мещерякова. Этот антирекорд скоро побьёт рисунок Франца Крюгера, который до сих пор значится в музее и Госкаталоге «неизвестным военным», хотя ещё в 1983 году опубликована атрибуция Глинки, что это генерал Семён Алексеевич Юрьевич. С рисунка есть даже подписанная литография.

В моей практике тоже имеется подобный случай. Связан он с музеем Василия Тропинина и московских художников его времени. Открылся он в столице 11 февраля 1971 года на основе коллекции Феликса Вишневского, передавшего государству более 250 картин лучших русских мастеров, а также особняк в Замоскворечье. До конца

жизни Вишневский продолжал следить за своим детищем и пополнял его фонды. Осенью 1977 года музей получил от него портрет неизвестного военного кисти Сергея Зарянко. Это один из самых ранних портретов знаменитого художника, прогремевшего на академической выставке 1850 года. Тогда пресса с восторгом называла его гением, эпохой в истории русской живописи, лучшим портретистом целой Европы, величайшим мастером всех школ и народов наряду с Рембрандтом и Ван Дейком! Но слава оказалась быстро-течной. Уже через восемь лет вкусы публики резко изменились, и в следующие годы на Зарянко обрушился град критики за безжизненность лиц, похожих на восковые фигуры, за увлечение отделкой деталей в ущерб натуре и так далее.

Тем ценнее портрет военного 1845 года, который показывает высокое мастерство Зарянко уже к этому времени. На картине изображён пожилой седой мужчина в сюртуке, поверх которого накинута николаевская шинель с борзовым подбоем. Из-под шинели виден серебряный аксельбант. Чёрный воротник сюртука с красными выпушками указывает, что персонаж служил в Генеральном штабе или состоял в свите Николая I, числясь в инженерных войсках. Последнюю версию приняла знаменитый искусствовед Татьяна Алексеева, опубликовавшая в 1982 году портрет в монографии «Художники школы Венецианова» как изображение генерал-адъютанта Карла Шильдера. Причём аргументов для такого определения в книге нет. Это очень странно, поскольку Алексеева обычно объясняла свои атрибуции. Здесь же картина априори была дана с именем Шильдера лишь с замечанием, что она выдаёт «несомненное формальное мастерство» Зарянко.

По всей видимости, Алексеева просто взяла чью-то готовую версию. Но её автор точно не работал в музее, поскольку там поменяли подпись

на основании книги 1982 года. С тех пор картина считалась изображением Шильдера. Через 15 лет сотрудник музея Иосиф Кацман, обсуждая со мной разные портреты, спросил моё мнение. Я высказал соображения о причинах атрибуции Алексеевой: солидный возраст военного позволяет думать, что перед нами генерал.

Ветераны имели право носить свою форму в отставке, но без эполет

В 1845 году при Николае I числился 61 генерал-адъютант, но только трое из них носили инженерный сюртук. При этом Александр Геруа и Александр Фельдман имели другую внешность, утратив с возрастом шевелюру. А вот Карл Шильдер был седьмым усачом.

Вроде бы всё логично. Но тут меня удивило другое. 1 июля 1829 года за умелую осаду крепости Силистрия,

завершившуюся капитуляцией турок, Шильдер получил орден Святого Георгия 3-й степени. Ещё при учреждении этого ордена Екатерина II установила: «Сей орден никогда не снимать». Это правило действовало до революции — при всех видах награды, даже когда прочие награды не надевали, Георгиевский крест носили всегда. Отставные кавалеры при гражданских фраках тоже продолжали носить свой почётный военный знак. Знаменитый баталист Василий Верещагин, принципиально отрицавший всякие награды, тем не менее с гордостью носил в петлице Георгия 4-й степени, полученный за оборону Самарканда в июне 1868 года.

Разумеется, на всех портретах Шильдера мы видим у него на шее белый Георгиевский крест. Однако на картине Зарянко его нет. Кроме того, генерал служил в Петербурге, а художник в 1845 году работал в Москве. Значит, это не может быть

Шильдер. Странной являлась и композиция портрета. Зарянко прекрасно умел показать персонаж в блеске аксессуаров. Иногда они ему удавались даже лучше, чем лицо, за что его много критиковали. Тут же мы почти не видим никаких деталей, всё закрыто шинелью. Хотя по законам салонного жанра генерал должен быть если уж не в парадном мундире с наградами, то хотя бы в сюртуке с эполетами и белым Георгиевским крестом в петлице. Ведь в то время его вручали офицерам не только за подвиг, но и за выслугу 25 лет. Учитывая возраст военного, он точно имел право на орден.

Все эти странности на- вели меня на мысль: а нет ли тут подвоха? Может быть, шинель накинута неспроста и специально закрыла плечи? Возможно, перед нами вовсе не генерал-адъютант, а отставной офицер Генерального

штаба, уволенный, как тогда говорили, «с мундирам». Такие ветераны имели право носить свою форму в отставке, но уже без эполет. И шинель могла деликатно прикрыть эту особенность костюма. Проверяя данную версию, я обнаружил, что загадочный персонаж очень похож на жившего тогда под Москвой отставного полковника Генштаба, декабриста Александра Николаевича Муравьёва. О находке я сразу сообщил Кацману, который отнёсся к ней с большим энтузиазмом. Но вскоре, 16 марта 1999 года, Иосифа Максимовича не стало...

Тем не менее я считал своё дело в музее сделанным. Каково же было моё удивление, когда в 2003 году в монографии Александра Муратова о Зарянко мне снова встретился портрет Муравьёва с прежней подписью и комментарием: «Портрет Шильдера — уже зрелая и многообещающая работа». Причём автор не согласился с оценкой Алексеевой мастерства художника: «Не только формальное! Здесь достигнута многообещающая глубина психологической характеристики». Но мастерство — мастерством, а Муравьёв — не Шильдер. Я обратился в музей, где выяснилось, что никаких сведений об атрибуции

портрета после смерти Кацмана не сохранилось. Снова я изложил все аргументы, считая на этот раз дело надёжным.

Весной 2021 года музей Тропинина провёл замечательную выставку «А это чей портрет?». Посетив экспозицию, я увидел старого знакомого — портрет Зарянко с подписью... «Генерал-адъютант Шильдер!» После моих удивлённых расспросов выяснилось, что хранители не раз сменились и в музее опять нет никаких сведений про Муравьёва. В третий раз пришлось поднимать старые записи. Надеюсь, что данная статья позволит уже больше не возвращаться к данному вопросу. ▼

Автор — руководитель
Департамента культуры
города Москвы, кандидат
исторических наук

▲ Генерал-лейтенант Александр Николаевич Муравьёв.
Раскрашенная фотография 1861–1863 годов
Государственный Эрмитаж

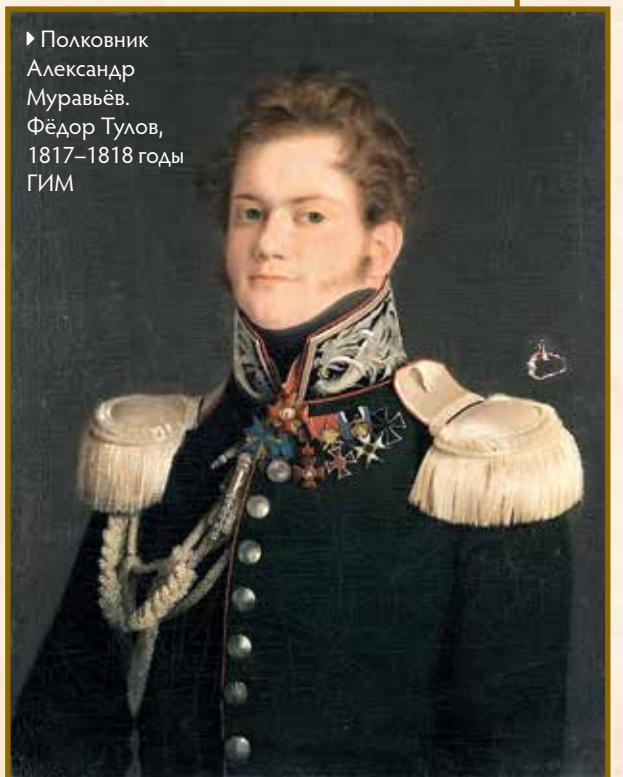
Счастливец шестого разряда

Участник славных походов 1812–1814 годов, Александр Николаевич Муравьёв служил в Гвардейском Генеральном штабе и вышел в отставку 7 октября 1818 года полковником с мундирам. Под влиянием европейских впечатлений он стал одним из основателей первых тайных организаций — масонской ложи «Трёх добродетелей», Союза спасения и Союза благоденствия. Их целями было «распространение добродетели и просвещения», а для узкого круга ещё и «приготовление России и конституции». Однако всё чаще звучавшие идеи о цареубийстве и революции оттолкнули умеренных либералов. В мае 1819 года после религиозного просветления Муравьёв раскаялся, порвал с заговорщиками, женился и уехал в свою волоколамскую деревню.

Тем не менее после восстания Муравьёва арестовали. Кроме пяти повешенных декабристов, Верховный уголовный суд приговорил 115 человек, разбитых по степени вины на 11 разрядов, к разжалованию, каторге, ссылке в Сибирь или к отправке солдатом на Кавказ. Муравьёв попал в шестой разряд и должен был вынести шесть лет каторги, а затем навсегда остаться жить в Сибири. Но случилось чудо. Николай I сделал единственное исключение при утверждении приговора декабристам. Он отменил для Муравьёва каторгу и велел «по уважению совершенного и искреннего раскаяния сослать на житьё в Сибирь, не лишая чинов и дворянства». Более того, вскоре ему разрешили поступить на службу и назначили городничим в Иркутск! Сохранив сословные привилегии, Муравьёв сделал блестящую карьеру. Пока его бывшие товарищи работали на каторге или воевали на Кавказе, он уже в 1831 году получил «генеральский» чин статского советника, а в 1848 году — действительного статского советника. Муравьёв возглавлял вятскую и таврическую уголовные палаты, служил губернатором в Тобольске и Архангельске. Вернувшись в 1851 году в Генеральный штаб, он участвовал в Крымской войне, а затем нижегородским губернатором смог осуществить мечту декабристов об отмене крепостного права. Закончил жизнь основатель Союза спасения в 1863 году генерал-лейтенантом и сенатором. Его смерть Герцен почтил из Лондона словами в «Колоколе», что Муравьёв «до конца своей длинной жизни сохранил безукоризненную чистоту и благородство».

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
МУРАВЬЁВ

► Полковник
Александр
Муравьёв.
Фёдор Тулов,
1817–1818 годы
ГИМ

